

Мои успехи в той же степени зависят от оркестра, в какой его успехи – от меня

– Теперь, после того как в “Московских новостях” было опубликовано обращение к вам открытое письмо Владимира Спивакова, очевидно, отпала необходимость в том, чтобы музыканты публично высказались, хотя бы они видели маэстро Спивакова своим художественным руководителем или нет, поскольку маэстро не намерен возвращаться на этот пост. Иными словами, как бы ни любил маэстро Спиваков этот оркестр, при вас он его худруком не будет. Правда, сам факт, что вы предложили оркестрантам голосовать, скорее всего свидетельствует о том, что вы и так знали: не будет. Как правило, люди предлагают подобное голосование, будучи заранее уверенными в его результатах...

– На мой взгляд, необходимость действительно отпала. И думаю, что оркестр вздохнет с облегчением

– у него и так много забот, а мы хотели нагрузить его еще и этим. Я был абсолютно уверен в том, что музыканты выскажутся не в пользу Владимира Теодоровича. Потому что абсолютно уверен в своих силах. А голосовать предложил только для того, чтобы снять кое-какие упреки в свой адрес. Администрация поставила оркестр в бесправное положение? Хорошо, пусть тогда оркестр выскажется. Вся эта история – вообще буря в стакане воды. Почему вдруг такие взрывы негодования, к тому же публичные? Подобные вещи решаются в рабочем порядке. Кстати, обращаю ваше внимание на то, что маэстро начинает противоречить самому себе. Обратившись к музыкантам со своей “евангельской” речью, он обещал им вернуться, если они его об этом попросят. А теперь выходит, что нет, проси не проси – все равно не придет.

(Окончание на 10-й стр.).

Мои успехи в той же степени зависят от оркестра, в какой его успехи – от меня

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

– А вот Владимир Теодорович обращает внимание на то, что в голосовании должно было принять участие не слишком большое число музыкантов – многие заняты, и у них нет возможности прийти на репетицию, на которой следует обнародовать свое волеизъявление.

– Все были оповещены. Кто не сумел бы прийти, мог сказать, каково его мнение, кому-нибудь из коллег. А в принципе тот, кому это важно, кто считает, что действительно решается судьба оркестра, может и отказаться от своей халтуры. “Бесправные” музыканты РНО, если это не идет вразрез с деятельностью оркестра, имеют возможность выступать с кем угодно и где угодно. Сейчас многие приглашены в “Миллениум” и связывают с ним свои гастрольные планы – на здоровье.

– Маэстро Спиваков считает, что вы недооцениваете его заслуги в качестве худрука РНО, наверное, он прав, коль скоро вы решили не продлевать с ним контракт?

– А где сказано, что дирекция не имеет права решать, продлевать ей контракт или нет? Никаких претензий Владимиру Теодоровичу я не высказывал, тем более публично, наоборот, всячески подчеркивал, что сотрудничество с ним было оркестру очень полезно. Что касается его деятельности в качестве худрука, то это на самом деле вопрос дискуссионный. Маэстро, например, ставит себе в заслугу то, что он за все время своего пребывания в должности художественного руководителя никого не уволил. А почему, собственно? Все всегда на высоте, никто не сдает своих позиций – в силу возраста хотя бы?

– А вас не упрекнешь в излишней доброте. Вы, например, не ставите худрука в известность о тех записях, которые готовятся делать оркестр.

– Не совсем так. Годы два назад я заинтересовался у маэстро, не станет ли он возражать, если РНО будет записываться для “Deutsche Grammophon” с другими дирижера-

ми, его кандидатуру – оставим это на совести фирмы – она не рассматривала. Он сказал, что не возражает. Как я теперь понимаю, потому, что всерьез не предполагал, что РНО получит подобное предложение. Разумеется, по возвращении маэстро из-за рубежа я собирался поставить его в известность о том, что оркестр будет записываться с Плетневым и Ростроповичем. Но случилось так, что он услышал об этом в Париже от самого Ростроповича. Это что-нибудь меняет по существу?

– А этических проблем вы в этой ситуации не видите?

– Нет. Мне кажется, этику нарушает тот, кто внутренние проблемы выставляет на всеобщее обозрение.

– Вы считаете, что дирижерская коллегия – это оптимальный способ управления оркестром?

– Я думаю, что рано или поздно весь мир придет к такой форме художественного управления. Тенденция есть, совершенно определенно. Оркестров много, зато хороших дирижеров мало. Их хотят видеть всюду, и они хотят того же. У многих дирижеров по несколько оркестров, а контракт худрука, как правило, предполагает ему проводить со своим оркестром не более 12 – 16 недель в году.

– А как вы представляете себе эту коллегия – как простую совокупность дирижеров, с которыми выступает оркестр, или как некий “заседающий” орган, определяющий художественную политику оркестра? Первый вариант, по сути, не предлагает ничего нового, кроме названия (такая коллегия вообще может быть безразмерной). Второй – сомнителен: сколько маэстро, столько и мнений. И вообще, за политику, как за некое целое, все-таки должен отвечать кто-то один.

– Безусловно, коллегия не мыслится как некий комитет, который голосует, принимая какие-то решения. Это именно дирижеры, с которыми интересно сотрудничать оркестру, то есть коллегия. Теоретически она действительно может быть безразмерной. Практически – нет, поскольку, как я уже говорил, число ди-

рижеров, к которым имеет смысл обращаться, ограничено. Что касается художественной политики в целом, то ее, разумеется, должен определять кто-то один. Этим человеком будет основатель Российского национального оркестра Михаил Плетнев. А на то, чтобы быть еще и главным дирижером, у него просто нет времени.

– Вот и Владимир Теодорович располагает сведениями о том, что у Михаила Васильевича – дефицит времени. По его мнению, на пост худрука в январе 2003 года г-н Плетнев никак не заступит. А заодно маэстро сомневается и в том, что Кента Нагано прельстила возможность стать членом коллегии РНО.

– Пусть не сомневается: и Плетнев заступит, и Кента Нагано в начале будущего года в Москве появится. О Нагано пришлось объявить раньше времени – Владимир Теодорович сам это спровоцировал, начав выяснять вещи, находящиеся в стадии рабочего обсуждения. Разумеется, адвокаты Нагано стали проявлять недовольство. Но я уверен, что мы придем к соглашению.

– Вы предлагали Министерству культуры стать соучредителем оркестра до того, как объявили маэстро Спивакову о том, что не намерены продлевать с ним контракт, или после?

– Я это предлагал на протяжении всего существования оркестра.

– Не боитесь, что “национализация” РНО вдруг обретет реальные черты?

– Опыт всеобщей национализации мы уже пережили – в 17-м году. Как известно, ничего особенно хорошего из этого не вышло. Если возможное выяснение отношений с министерством будет происходить на юридическом поле, наши позиции безупречны.

– Вы упрекаете государство в том, что оно не поддерживает РНО? А почему, собственно, оно должно поддерживать частный оркестр...

– ...Американские спонсоры которого, как утверждает маэстро Спиваков, не заинтересованы в его деятельности в России. Между тем

только в этом году, всего за шесть месяцев мы собрали в Америке 300 тысяч долларов, для того чтобы профинансировать деятельность оркестра именно в России. Что касается государственных субсидий, я считаю, что налогоплательщики имеют право на то, чтобы их деньги были вложены в коллективы высокого уровня. Независимо от того, есть в их названии слово “государственный” или нет. Государственный – это еще не значит “качественный”. Кого-то надо не только не поддерживать, а, наоборот, дать ему возможность почить спокойно. Иначе создается искусственная конкуренция на рынке: какие-то невысококласные оркестры, существующие, повторяю, на деньги налогоплательщиков, за смешные гонорары гастрوليруют за границей, перебега дорогу куда более достойным коллективам.

– Не боитесь, что Минкульт окончательно перебежит вам дорогу, установив очень высокие ставки в ряде подведомственных ему оркестров?

– Уверен, что я смогу обеспечить оркестрантам РНО такую жизнь, что им не придется в голову эмигрировать в другие оркестры.

– Создается впечатление, что вы единоличный хозяин этого оркестра. Во всяком случае, что его жизнь целиком и полностью зависит от вас. Кстати, если бренд будет продан, кому достанутся деньги?

– Бренд продан не будет. Я действительно не последний человек в этом оркестре и считаю, что мои успехи в той же мере зависят от него, в какой его успехи – от меня. Но оркестр управляется не мной единолично, у нас есть Совет директоров. Наконец, у нас есть Совет Фонда РНО, регламентирующего деятельность оркестра. А фонд – это такая конструкция, которая не позволяет ничего продать, поделить, вынести и т.д. Деньги могут быть потрачены только на уставные цели.

Беседу вела
Наталья ШАДРИНА

Кубышка - 2008 - 26 авг - 2008 - с 110